

Сегодня многие сделали ставку на компьютер и на компьютерные игры. Но компьютерные игры – это же головоломки, забава (очень даже недурная). Они причисляются к игре только потому, что заранее неизвестно, сколько и зачем будет потрачено времени. Это нечто неживое, холодное, абсолютно алгоритмизированное, где всему есть разгадка. А настоящая игра – это интеллектуальная задача с неизвестным решением, ни одна из участвующих сторон до самого конца не знает, кто победит. Шансы игроков, пока идет игра, равны.

Компьютер, на самом деле, еще не состоялся. Это устройство на сегодняшний день вне поля истинного творчества. Изображение, которое выдает компьютер, это не картина. Это не живопись, не произведение искусства. Он лишен тайны, откровения. Его можно разложить до последней ячейки. Там слишком мало места для непредсказуемого, для чуда процесса познания. Компьютер может выдать вам только то, что вы в него заложили. Проблема лишь в увеличении плотности упаковки.

Он феноменально полезен, может быть, даже незаметно, когда вы уже кем-то стали, когда вы уже знаете, что я – это я, когда ваше «я» уже не так просто сломать. Тогда вы можете смело ступить на любую территорию этого чрезвычайно емкого хранилища, вмещающего бесконечное число вещей. Если же вы не готовы, общение с компьютером способно подавить, обернуться наваждением, превратиться в навязчивую идею.

Однажды мне в руки попала книга. Она называлась «Искусство и физика. Параллельное видение времени, пространства и света». Написал ее американец Леонард Шлэн, который, как выяснилось потом, когда я с ним списался, человек двух образований – хирург и архитектор. То есть, с одной стороны, естествоиспытатель – технарь, рукодел, а с другой стороны – человек, для которого важна художественная образность. Одна из идей, которую он проповедовал в хирургии, состояла в том, что удачу операции определяет красота шва. Она, по его убеждению, гарантирует, что вторжение в природную тайну и последующее заживление пройдут бесследно. Мне кажется, что этот человек действительно прочувствовал идею единства науки и искусства.

Со своей маленькой дочерью Шлэн однажды оказался в ньюйоркском художественном музее «Метрополитэн». При обсуждении увиденного в музее на некоторые из вопросов дочери он не смог дать быстрых и убедительных ответов. Детски наивному глазу ребенка кое-что из увиденного показалось не соответствующим действительности. Да и вообще было непонятно, как такие вещи могут нравиться, а если нет, то зачем они... и что такое тогда вообще – искусство? В результате бесконечных размышлений и появилась книга.

В ней автор показывает, что всему тому феноменальному, что вообще происходило в науке, и в частности научным революциям XX века – открытию квантовой механики, атомной физики, теории относительности, – всегда предшествовали некие творческие прозрения в искусстве. Параллель эта, по мнению автора, идет еще от древних греков, от Аристотеля к Декарту, Ньютону и доходит до сегодняшнего времени.

Он проследивает эры, эпохи, стадии, эволюции и откровения в развитии искусства и вслед за этим – эпохи естествознания, вехи в научном осознании мира, в развитии структуры научного мышления. Это позволило ему вывести совершенно четкую закономерность: всем научным открытиям как правило предшествовало некое чувственное озарение, художественное открытие, овладение новой системой художественных образов. Изменяющийся взгляд на мироустройство каждый раз вырастал из господствовавшего в искусстве стиля, главным образом живописного языка, из философского, духовного воззрения на окружающий мир, его чувственного восприятия, воплощенного во фресках, живописных полотнах, других пластических формах.

Вероятно, и учить ребенка нужно, учитывая это глубинное «предшествование», первичность искусства. Искусство, конечно же, несет основную функцию соучастия в жизни человека. Но в школе если и учат искусствам, то в изоляции от остального знания. Законы природы – это само по себе, а все, что касается эмоций, – само по себе. В школе начинают с того, что учат читать, писать, складывать, а вот видеть, слышать, переживать – едва ли... Общая идея, заложенная в образовании, апеллирует, безусловно, к примату естественно-научного знания, и поэтому все должно быть логично, упорядочено, строго. Лишь в детском саду еще могло быть место «баловству», чудачествам, всякого рода глупостям. Но уже в начальной школе баланс умственного и эмоционального непоправимо нарушается в пользу первого. А ведь без чувственной основы, не взращенный и не закрепленный эмоционально, весь получаемый жизненный опыт пуст. Школа занимается подготовкой будущих ремесленников. Считается, что если даже медведя заставить повторить что-то 17 раз, то и он запомнит. Когда образование превращается в дрессуру, опирается лишь на тренированность – оно теряет смысл.

Все научные революции последних столетий вырастали на отрицании линейной однонаправленности, примата логического в познании, на утверждении того, что свойственно образному мировосприятию. Все было устремлено к тому, чтобы восстановить нарушенный баланс, уравновесить, привести логическое (рациональное) и интуитивное (творческое) к целостности, которая, с одной стороны, как бы оставляет тебя на земле, все время дает понять, что ты еще здесь, но в то же время уводит в эмпирию чувствования, предлагает все время какие-то расширяющиеся, бесконечные горизонты, приближающие к идеалу, абсолюту.

В сущности, и школа должна прежде всего помочь ребенку ощутить в себе внутренние силы, привнося в любую деятельность духовную составляющую, живое чувство.

Возраст человека – это его шагреневая кожа. Основная несущая нас гибкая опора-конструкция – позвоночник, и та с возрастом костенеет. Но чем дольше будут оставаться нетронутыми тонкие душевные ткани ребенка, извечный нежный хорд, тем теснее будет его связь со всей Вселенной...